

«Я ВОЗМЕЧТАЛ БЫТЬ ПРИМЕРОМ, УЧИТЕЛЕМ...»

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ К ПИСЬМАМ
КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА
К ВСЕВОЛОДУ СОЛОВЬЕВУ

У Леонтьева был особый дар — привлекать к себе людей, особенно молодых, которые тянулись к нему, чувствуя его личностный дар. Он же видел в них потенциальных адептов своих идей, своего мирочувствия, своей мысли, предпочитая излагать свои раздумья в письмах к друзьям и ученикам, а не в жанре публицистической статьи. Тем ценней для нас письма Леонтьева, где он выступает дидаскалом, учителем для своих молодых корреспондентов. Эти письма, вне всякого сомнения, можно отнести к подлинным шедеврам эпистолярного жанра в русской культуре XIX века. Некоторые из них связываются в драгоценные ожерелья: чего стоят, например, предсмертные письма к В.В. Розанову, в котором Леонтьев, наконец, разглядел своего преемника. Изданные отдельной брошюрой за рубежом в начале 80-х годов прошлого века, они привлекли к русской философии внимание целой небольшой партии ее любителей.

Не случайно один из тех, кто будет приезжать к нему в конце жизни в Оптину, поэт и приват-доцент Анатолий Александров посвятит Леонтьеву стихотворение «Чародей», не самой, впрочем, высокой поэтической пробы, которое заканчивается строфою:

*И думал он: «Как старый чародей
Передаст свое заветное искусство,
Так я в них перелюю мои мечты и чувства
Пред смертью близкою своей!»¹*

Заметим, что «старому чародею» в момент написания этого стихотворения (1884) было лишь 53 года, а его смерть наступит через 7 лет! Знакомство с Всеволодом Соловьевым, старшим сыном великого русского историка С.М. Соловьева

и старшим братом философа Владимира Соловьева, произошло после того, как Всеволод, тогда штатный критик журнала «Русский мир», посвятил леонтьевскому сборнику повестей «Из жизни христиан в Турции» свое обозрение «Современная литература» (1876. 25 апр. № 112). Всеволод, тогда только еще начинавший свою карьеру на писательском поприще, молодой романист, был моложе Леонтьева на 18 лет, возраст

В ЭТИХ ПИСЬМАХ МЫ
УЖЕ ВИДИМ ОСНОВНЫЕ
ПРИЕМЫ УЧИТЕЛЬСТВА,
КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ
НЕИЗМЕННЫМИ.
ГЛАВНЫЙ ИЗ НИХ –
ЭТО ПРИВИВКА ВКУСА
К ЖИЗНИ, «ЭСТЕТИКИ
ЖИЗНИ»

как раз достаточный для того, чтобы увидеть в нем достойного адепта своих взглядов. И хотя эти отношения затмила потом дружба с его младшим братом, философом Владимиром Соловьевым, 10 октября 1880 г. Леонтьев напишет Т.И. Филиппову: «Вс. Соловьева я очень люблю и верю, что из него можно создать нечто крупное; нужно

¹ Александров А. Стихотворения. М., 1912. С. 57.

Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903), известный исторический романист, был моложе Константина Леонтьева на 18 лет. Их отношения затмила потом дружба Леонтьева с младшим братом писателя, философом Владимиром Соловьевым.

10 октября 1880 г. Леонтьев напишет Третью Филиппову: «Вс. Соловьева я очень люблю и верю, что из него можно создать нечто крупное; нужно утвердить его в нашем направлении. Он сам мне сказал, что согласен идти ко мне в ученики. Или почти».

утвердить его в нашем направлении. Он сам мне сказал, что согласен идти ко мне в ученики. Или почти²». Отношения учителя и ученика были далеко не безоблачными. Так, в архиве Соловьевых в Российском государственном историческом архиве хранится черновик письма Всеволода Соловьева Леонтьеву от 12 июня 1879 г., содержащее довольно резкую критическую оценку леонтьевского романа «Одиссей Полихрониадес»³, в которой просвечивает и оценка творческой личности самого Леонтьева: «Чудесный язык, тонкое наблюдение, художественные оценки; умный, мыслящий человек и художник виден повсюду; — но этот человек будто десять лет был осужден на немоту и вдруг встретился с людьми, способными понимать его наречие, и за все десять лет вздумал наговориться обо всем сразу⁴».

Несмотря на разницу в возрасте Всеволод позволяет давать советы, не как ученик, но как коллега по писательскому цеху: «Познайте тайну художественной формы, чувства меры. Не смешивайте романа или повести с научными и политическими статьями. Тогда Вы станете художником с одной стороны и политическим писателем с другой — и круг Ваших читателей будет обширен и разнообразен. Пока же Вы будете писать так как написан «Одиссей» у Вас не будет ценителей несмотря ни на какие усилия друзей Ваших...»⁵. Однако Леонтьева резкость тона, впрочем, вероятно смягченная адресантом в отправленном письме, отнюдь не смутила: «Я письмом вашим тронут, потому что я вижу в нем личную, искреннюю приязнь». Леонтьев, как никто другой, разделял единомыслие и личную приязнь. Так и позднее — он мог совершенно расходиться с Владимиром Соловьевым в его оценке прогресса в истории, но испытывать к нему глубокую личную симпатию и даже любовь.

23 октября 1880 г. Леонтьев пишет Третью Филиппову из Оптиной пустыни: «... у Вс. Соловьева

года два тому назад было еще что-то неопределенное; он был под влиянием сентиментальностей Достоевского, которому хорошо наигрывать на одной и той же теме невозможной любви; эта песня доставила ему много приятного и выгодного. А Вс. Соловьеву надо передать иное наследство, покруче и понаучнее, так сказать. Не поучнее, а именно понаучнее, пообъективнее. Иначе это будет разногласие. Можно и либеральничать, но не искренно, а по нужде. Если делать дело серьезно, то надо и ему приехать в Москву для свидания со мной»⁶.

В начале 80-х годов общение Леонтьева с Всеволодом Соловьевым сходило на нет, и эпистолярный «роман» вновь лишь едва разгорается в 1886 году, после выхода в свет «Востока, России и Славянства». Леонтьев начинает причислять Всеволода Соловьева к тому кругу друзей, которые оказались безразличны или, по крайней мере, не чутки к его мысли, отказались быть ее прямыми адептами и проводниками, потому что именно такой безраздельной преданности и искал в своем учительстве Константин Леонтьев. «Блеснула у меня надежда на братьев Соловьевых. Но и те русские в дурном смысле слова. Только Т.И. Филиппов и остается православным и деловым, т.е. русским в хорошем смысле»,⁷ — напишет он племяннице Марии Владимировне Леонтьевой в письме от 4 апреля 1878. А в письме Т.И. Филиппову от 4 августа 1887 г. упрекнет Всеволода в числе прочих в нежелании искренне послужить ему и его мысли: «За последние 4 года Катков, Авсеенко, Ф.Н. Берг, Всево^{ло}д Соловьев, Аксаков, Страхов, Шарапов и даже отчасти Влад^{имир} Соловьев, который однако меня любит и которого я сам так люблю и уважаю, и сам Влад^{имир} Петр^{ович} Мещерский; наконец, в самое последнее время «Истор^{ический} Вестник», «Русская Старина» и «Русская Мысль» — все так дружно согласились отбить у меня охоту мыслить и сочинять для публики, что я совсем от этого отвык и не могу вообразить себе, что я призван еще принять живое участие в текущем движении умов».⁸

2 Пророки византизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подготовка текстов и комм. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 163.

3 РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 89. Л. 12–15.

4 Котельников В.А., Фетисенко О.Л. Комментарий к роману «Одиссей Полихрониадес» // ПССиП в 12 т. Т. 4. СПб., 2002. С. 961.

5 Там же. С. 962.

6 Пророки византизма. С. 169.

7 РГАЛИ. Ф.290. Оп.1. Ед.хр. 33.

8 Пророки византизма. С. 442.

Однако для Всеволода Соловьева, чьи пути с семьей и младшим братом разошлись далеко из-за дележа отцовского наследия и неприятия семьей его второго брака на сестре своей первой жены, память Константина Леонтьева будет значима. После его смерти он ответит Анатолию Александрову на приглашение войти в редколлегия журнала «Русское обозрение» в письме от 23.10.1892: «Раз покойный К. Н. Леонтьев был Вашим другом — это служит для меня указанием, что хоть частица духа и идей этого мало оцененного, высокоталантливого писателя, глубоко мне симпатичного, будет витать в редакции Вашего журнала. Итак, пока, помещайте меня в число Ваших сотрудников»⁹.

Письма к Всеволоду Соловьеву — это своего рода репетиция поздней леонтьевской «пайдеи». Иосиф Фудель, Иван Кристи, Анатолий Александров, Василий Розанов (с ним Вс. Соловьева будет роднить и непростая семейная ситуация, второй брак, сходное отношение к церковному таинству брака) «сядут за парту» леонтьевской науки во второй половине 80-х, ближе к концу его жизни. Но и здесь уже, в этих письмах, мы видим основные приемы учительства, которые останутся неизменными. Главный из них — это прививка вкуса к жизни, «эстетики жизни». Японский микадо в цилиндре и презрение к орлеанизму и тьеризму прекрасно сочетаются тут с «настоящими кружевами» на *point-carré* и участием в судьбе «несчастливого крота», которым весело забавляются «два веселых и милых таксика» на страницах «Нивы».

Консерватизм Леонтьева — не столько в стремлении выработать неизменную и непреложную формулу, по которой работает история, сколько во внимании в жизни в ее конкретности. Движение не от абстрактного к конкретному, а от конкретного через абстрактное снова к конкретному. Причем здесь немаловажна и способность видеть лицо другого и слышать его голос. В общем, прав был сноб Георгий Иванов, говоривший:

А мы — Леонтьева и Тютчева

Сумбурные ученики —

Мы никогда не знали лучшего,

Чем праздной жизни пустяки.

Письма К. Н. Леонтьева к Вс. С. Соловьеву публикуются по автографам: РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 17–53 об.

Записка «Для биографии К. Н. Леонтьева» примыкает к письмам, копия выполнена рукой М. В. Леонтьевой: РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 54–57 об. Нумерация документам дана публикатором. Частично фрагменты писем публиковались в книге: Леонтьев К. Избранные письма: 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993 (публикация Д. Соловьева), а также в комментариях В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко к Полному собранию сочинений и писем К. Н. Леонтьева в 12 т. (далее: ПССиП)

*Публикация, вступительная статья
и комментарии А. П. Козырева.*

⁹ Цит. по: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 552.